

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ОНОМАСТИКЕ XI-XVI ВВ.*Максим Ююкин*

В предлагаемой статье рассматривается этимология четырех древнерусских имен собственных (одного этнонима и трех топонимов), известных по письменным памятникам, сохранившиеся списки которых относятся к периоду с XIV по XVI вв., причем упоминания двух имен (*вьяда* и *Ромьнь*) касаются более раннего времени, чем то, в которое созданы содержащие их документы. На первый взгляд, эти онимы совершенно разнородны: они извлечены из источников различных типов (летописей, грамот, писцовой книги, памятника художественной литературы), локализуются в разных регионах Руси (средних частях бассейнов Волги, Днепра и Оки, а также в Верхнем Поволжье), происходят из различных языков. Но есть и нечто, что их объединяет, помимо того обстоятельства, что все они являются фактами древнерусского языка: эти названия несут в себе следы исчезнувшего прошлого, утраченной этноязыковой реальности Восточной Европы эпохи средневековья. Это свойство проявляется в них на разных уровнях и касается как имен *вьяда* и *Шелшедам*, в которых запечатлена память о народах, давно прекративших свое существование, так и исконно русских топонимов *Ис-мея* и *Ромьнь*, сохранивших в своих основах лексемы, иначе не засвидетельствованные в древнерусском языке и реконструируемые на основе сопоставления с данными современных русских диалектов и других славянских языков. Указанная особенность рассматриваемых названий делает их чрезвычайно ценными памятниками истории языка, значение которых еще более возрастает от того, что все они известны в древнерусском языке лишь по единичным упоминаниям (топоним *Шелшедам* / *Шелшодом* упоминается дважды, однако в разных формах). Таким образом, актуальность и научная значимость этимологического исследования этих онимов не вызывает сомнений.

В я д а

В памятнике древнерусской литературы *Слово о погибели Русской земли*, созданном в период между 1238 и 1246 гг. в северо-восточной Руси

автором южнорусского происхождения и сохранившемся в двух списках XV и XVI вв., в ряду финских народов Поволжья упоминается этнос *вяда*: “Буртаси, черемиси, вяда и мордъва бортьничаху на князя великого Володимера”.¹ Многими исследователями этот народ отождествляется с народом *Veda, Wedin, Vela*, известном из рассказа о путешествии венгерского монаха Юлиана (1237-1238 гг.),² что побуждает некоторых авторов считать этимологически правильной формой этнонима **веда*. Однако написания Юлиана отнюдь не противоречат др.-русск. *вяда*, если допустить, что *я* в последнем происходит из носового: передача через *e* западно- (кроме языков лехитской подгруппы) и восточнославянского рефлекса прсл. **ę* является нормой для средневековых латиноязычных источников (как более ранних, так и созданных в одно время с записками Юлиана), ср., например, *Zuete pulcus* < **Světopylkъ*, имя моравского князя (тогда как аналогичные древнерусское и польское имена передаются соответственно как *Zentepulcus* и *Suentepulcus*, в чем видят результат влияния польского источника), и *Beleknegini* < слав. **běla kņeęuni*, прозвище жены венгерского короля Гезы I, у Титмара Мерзебургского; *Vetseke* < слав. **Vętjъko* (др.-русск. *Вячько*, уменьш. к *Вячеславъ*), имя правителя древнерусского княжества Герцике на Западной Двине в *Хронике Ливонии* Генриха Латвийского.³

Примерная территория расселения народа *вяда* устанавливается на основании его упоминаний: в *Слове о погибели Русской земли* *вяда* стоит в списке между черемисами (марийцами) и мордвой, у Юлиана – между булгарами и мерей: “quinque regna paganorum Sasciam, Bulgariam, Wedin et Meroviam Poydoviam, Mordanorum regnum”. Последовательность упоминаний в обоих перечислениях побуждает думать, что область проживания *вяды* находилась где-то в районе современной Чувашии. Некоторые ученые делают из этого факта прямолинейный вывод, что *вядой* назывались предки чувашей (ср.: “Автор *Слова* упоминает *вяда* между черемисами и мордвой. Поэтому под *вядой* следует разуметь чувашей,

¹ Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси, т. 5. Санкт-Петербург, Наука, 1999. С. 136.

² См. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив, т. III. Москва-Ленинград, Издательство АН СССР, 1940. С. 74; А. В. Соловьев, Заметки к *Слову о погибели Рускыя земли* // Труды Отдела древнерусской литературы, т. XV. Москва-Ленинград, Издательство АН СССР, 1958. С. 103.

³ А. В. Назаренко, Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков. Москва, Наука, 1993. С. 186-187; В. И. Матузова, Е. Л. Назарова, Крестоносцы и Русь. Кон. XIII в.-1270 г. Москва, Индрик, 2002. С. 79.

ибо мордва до сих пор называет их *ветьке*”);⁴ при этом упускается из виду, что автохтонами на этой территории являлись племена волжских финнов и “на протяжении всего средневековья Присурье являлось контактной зоной местных финно-угорских народов (марийцев, мордвы) и пришлых тюркских (чувашей)”,⁵ а заимствование этнонимов – явление чрезвычайно частое. Кроме того, Юлиан упоминает как болгар, так и *вяду*, следовательно, он считает их разными народами. Не очевидна связь *вяды* и с “ватцкой мордвой”, известной из документов XVI в.: если ударение в этом прилагательном падало на второй слог, то оно может отражать аканье и иметь отношение к этнониму *вотяки* ‘удмурты’. Несостоятельна и идея о том, что от *вяда* образован удмуртский микроэтноним *ватка* (от которого название *Вятка*): как нами было установлено ранее, последний является исконно удмуртским и означает ‘косноязычные (т. е. говорящие на непонятном наречии)’.⁶

М. Фасмер, обоснованно отвергая мысль о связи названия *вяда* с именем *вотяков*, считает, что оно могло быть образовано от гипотетического гидронима **Vento* < фин. *vento* ‘медленный, спокойный, глубокий’.⁷ Однако неясность этимологии финского слова, не имеющего соответствий в других финно-угорских языках (судя по тому, что оно отсутствует во всех словарях общего лексического фонда финно-угорских языков – Collinder, ОФ-УЯ 1974, UEW), заставляет скептически отнестись к возможности связи между ним и топонимией среднего Поволжья, тем более что географических названий, образованных от этого слова, нет даже в самой Финляндии (хотя оно встречается в финской антропонимии).

А. П. Афанасьев⁸ возводит этот этноним к урал. **wete* ‘вода’: фин. *vesi* (род. *veden*), эст. *vesi* (род. *vee*), эрз. *ведь*, *вядь*, мокш. *ведь*, мар. *вѣд*, *вѣд*, удм. *vi*, *vi*, коми-зыр. *va*, манс. *ūt*, *wit*, *wüt*, *wit*, *wat*, венг. *víz* (вин. *vizet*), ненец. *jit?*, *wit*, энец. *bi?* (род. *bīro?*), *bi?* (род. *bido?*), нгана-

⁴ Н. И. Егоров, Примечания // Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 2001. С. 136-137.

⁵ М. И. Федулов, История заселения Чувашского Присурья (по археологическим данным // URL: lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/12/AE/Fedulov.pdf (26.4.2015).

⁶ См. М. А. Ююкин, Ойконимия русских летописей XIV-XVII вв. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing, 2013. С. 305.

⁷ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. I, 3-е изд. Санкт-Петербург, Азбука, 1996. С. 377.

⁸ А. П. Афанасьев, Пермь, саран и одо (веть, ветьке, вяда, вятичи) // Этнические топонимы. Москва, Наука, 1987. С. 104-115.

сан. *bē?* (род. *beda-ŋ*), селькуп. *yt, üt, ýt, ôt*, камас. *bw*, матор. *bu*, койб. *bu, by*, караг. *bu*, из и.-е. **wed-*.⁹ Но в истории этого слова никогда не было формы, от которой фонетически и исторически могло образоваться др.-русск. *вяда*. Что касается эрз. *вядь*, встречающегося лишь в отдельных говорах, то эта форма возникла много позже времени создания *Слова о погибели Русской земли*: “к праморд. (и далее к прафин.-угор.) **e* возводится эрз. диал. гласный *e* в следующих словах: *ved'* ‘вода’ (**wete*) [...] В эрзянских диалектах IV типа [юго-восточный, или присурский. – М. Ю.] в подобных случаях выступает гласный *ä* вторичного образования, появившийся под влиянием мокшанского языка (диалекты IV типа подвержены влиянию мокшанского языка или образовались при участии последнего) примерно в XVI-XVII вв.”¹⁰

Этноним *вяда* не может быть сколько-нибудь удовлетворительно объяснен ни из финно-угорских, ни из тюркских языков. Следовательно, есть основания предполагать его заимствованный характер. Известно, что названия многих финно-угорских народов Поволжья и Прикамья имеют иранское происхождение. Так, имена *мордвы* и *удмуртов* объясняются многими авторами из др.-перс. *martiya-* ‘человек’, названия *марийцев* и *мери* возводятся к авест. *mairya* ‘молодой человек, юноша, член воинского союза’ и др.¹¹ Этнические наименования *манси* и венгров (*megyer, magyar*) восходят к угор. **mańész* ‘человек, мужчина’ < др.-иран. *Mānuša-*,¹² которое представляет собой чрезвычайно частотную антропонимическую основу.¹³ Во многих исследованиях отмечается, что заимствования из иранских языков присутствуют во всех финно-угорских языках. Их хронологические рамки максимально широки и простираются от эпохи финно-угорского праязыка до периода самостоятельной жизни отдельных языков.¹⁴

⁹ В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редей (ред.). Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва, Наука, 1974. С. 402; K. Rédei, Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Budapest, Akadémiai kiadó, 1988. S. 570.

¹⁰ Г. И. Ермушкин, Развитие фонетической системы эрзя-мордовского языка. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, Институт языкознания РАН, 1997. С. 30-31.

¹¹ См., напр., В. В. Напольских, Введение в историческую уралоистику. Ижевск, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отд. РАН, 1997. С. 37, 42.

¹² См. K. Rédei, Uralisches Etymologisches Wörterbuch. С. 866.

¹³ См. F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1895. S. 191-194.

¹⁴ См., напр., Ш. Матичак, К этимологическому исследованию гидронимов (на мордовском материале) // *Onomastica Uralica*, 5 (2007). С. 35.

В этом контексте представляется оправданным сопоставить этноним *вяда* (**vęda*) с др.-иран. *wiñdaḡ*, *wiñda* ‘зеркало; сравнение, сопоставление’, широко употребительным в антропонимии и этнонимии: *Windād*, *Windafarnā(h)*, *Windarūd* (*Windarand*), *Windāt* (пехл.) : *Windāō*, *Bundāō* (новоперс.) (неоднократно) – патроним от формы **Windātak* : арм. *Wēdatakan*, *Windād-Hormazd*, *Windād-ispān*, *Windād Īzed*, *Windād-Huršīd*, **Windād mihr*, откуда *Bundādmihrīya*, название курдского племени в Парсе, *Windāt-i pētāk* (пехл.), *Windād-Umid*, *Windōē*.¹⁵ Самым весомым аргументом в пользу этой этимологии является упоминаемое Юлианом название города *Бунда* (*Bundam*, *Bundaz*) в земле *вяды*, которое представляет собой не что иное, как другую диалектную (исконную по происхождению) форму того же онима: эти названия образуют коррелятивную пару, отражающую характерное для иранских языков соответственное диалектное явление – спирантизацию начального звонкого смычного *b- > v-* (*w-*) в восточноиранских языках в противоположность его сохранению в западноиранских,¹⁶ ср. варианты *Windāō* : *Bundāō*, **Windād mihr* : *Bundādmihrīya* в приведенных выше примерах.

Относительно хронологической возможности отражения в этом названии прсл. **ę* (> *'a*) ср. и другие этнонимы поволжских народов, фонетический облик которых свидетельствует об их заимствовании еще в праславянскую эпоху: полногласие в *черемиси* (из чув. *šarmīs*, *šarmiš*)¹⁷ и переход краткого *a* в *o* в *мордьва*.

И с м е я

Название волости Можайского уезда *Исмья*, упомянутое в грамоте 1389 г.¹⁸ и не известное в топонимии более позднего времени, происходит, очевидно, от утраченного названия реки, относившегося к довольно частотному в гидронимии бассейна Оки типу имен славянского происхождения с суффиксом *-*ěja*, ср. *Вбея*, *Молвея*, *Мезгея/Мизгея*, *Вергея*, *Бледея*, *Полея*, *Синея*, *Воронея*, *Серпея*, *Мерея*, *Корея*, *Вепрея/Выпрея*, *Турея*, *Любосея*, *Столбчея*.¹⁹ Основа *Исм-* присутствует и в гидрониме

¹⁵ F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, cit. S. 368-371.

¹⁶ Об этом явлении см. И. М. Оранский, *Введение в иранскую филологию*. Москва, Издательство восточной литературы, 1960. С. 347-349.

¹⁷ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, cit., т. III. С. 338-339.

¹⁸ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.* Москва-Ленинград, Издательство АН СССР, 1950. С. 34.

¹⁹ Г. П. Смолицкая, *Обратный словарь гидронимов бассейна Оки*, ч. II. Москва, Институт русского языка АН СССР, 1988. С. 80.

Исма (Исьма), левый приток Протвы;²⁰ совпадение географического расположения (Протва протекает недалеко от Можайска) позволяет допустить, что это не названия двух разных объектов, а разные стадии эволюции одного топонима. Основа гидронима этимологически тождественна русск. диал. (терск.) *исмѣн* ‘светлый (о соколе)’, только в песнях, связанному по происхождению, согласно М. Фасмеру, с *искра, ясный*.²¹ Гидронимы с этимомом **jьsk-/*ěsk-* нередки: помимо бесчисленных водных названий от основы *(*j*)*ěs(k)n-* (*Ясень, Ясенка* и под.) ср. также русск. *Искра* 1) правый приток Шексны, 2) левый приток Умчадьмы, правый приток Мокши; польск. *Jaskinieć*, приток Бялой Лендецкой; *Jaskowieć*, приток Рыбнянки; *Jaskòła*, приток Видавы; *Jaskrzanka*, приток Нарева.²²

Р о м ь н ь

Древнерусский город *Ромьнь* (ныне *Ромны*, районный центр Сумской области Украины) известен с 1096 г.: “к Выреви блху пришли. Аспа. и Бонакъ... ко Ромну со Гѡлгомь” (Лаврентьевская летопись).²³ Этот ойконим образован от одноименного названия правого притока Сулы,²⁴ неоднократно встречающегося в гидронимии этого региона: аналогичное имя носит и ручей в Бахмацком районе Черниговской области; возможно, того же происхождения гидроним *Рамань*, левый приток Унечи, Ипути, Сожа, Днепра²⁵.

Предлагалось несколько этимологий этого топонима.²⁶ Фантастичны объяснения от *Рим, ромеи* или от названия растения *ромашка*, которое также заимствовано из лат. *rōmān-* ‘римский’ (*anthemis rōmāna, chamaemēlum rōmānum*).²⁷ Не соответствуют ареальному критерию этимологии

²⁰ Г. П. Смолицкая, Гидронимия бассейна Оки. Москва, Наука, 1976. С. 92.

²¹ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. II. С. 141.

²² Этимологический словарь славянских языков. Москва, Наука, 1974-, вып. 8. С. 239; Г. П. Смолицкая, Гидронимия бассейна Оки. С. 259; *Nazewnictwo geograficzne Polski*, t. I: *Hydronimy*, 1: *Wykaz nazw wód płynących*. Warszawa, Główny Urząd Geodezji i Kartografii, 2006. S. 94.

²³ Полное собрание русских летописей, т. I: Лаврентьевская летопись, URL: <http://psrl.csu.ru/> (1.7.2013). С. 250.

²⁴ Словник гідронімів України. Київ, Наукова думка, 1979. С. 474.

²⁵ М. Домонтович, Черниговская губерния. Санкт-Петербург, 1865. С. 16.

²⁶ См. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, Наукова думка, 1985. С. 116-117.

²⁷ См. М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. III. С. 499.

из балтийского (лит. *Armená*, название реки, или к *ramùs, romùs* ‘тихий’): как установлено В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым, гидронимы балтийского происхождения не встречаются к югу от Сейма.²⁸ Сомнительно и сопоставление с древнеевропейскими гидронимами *Armeno, Armenta, *Armantia* и др., собранными Х. Краэ:²⁹ древняя основа *Arment-* (а именно на такую праформу указывают приводимые Краэ примеры) дала бы на русской почве скорее **Ромят-* (< **Ormet-*), чем *Ромьнь*. Блр. диал. *ром* ‘пространство, свободное место, простор’, с которым сопоставляет это название В. П. Нерознак,³⁰ ввиду своей единичности, очевидно, заимствовано из польск. *rum* ‘то же’ (которое, в свою очередь, происходит из нем. *Raum*).³¹

Наиболее естественным представляется объяснять гидроним *Ромьнь* как исконно славянское адъективное по происхождению образование с суффиксом *-ьн-* от корня **rom-*, встречающегося и в других славянских названиях рек: чеш. *Romže (Romža)*; от устья Глоучелы называется *Valová*), правый приток Моравы, Оломоуцкий край; польск. *Romola*, приток Поломки, левый приток Лазной Струги, Олецкий повет, Варминьско-Мазурское воеводство (оба гидронима с архаичными славянскими формантами). На апеллятивном уровне этот корень присутствует в мак. *ромони* ‘журчать, шуметь (об однообразном шуме ручья, дождя)’, болг. *ромоня* ‘издавать приятный шум, говорить тихо’, болг. диал. (соф.) *ромонлия* ‘журчащий поток’, срх. *ромити* (имперф. *ромиъати*) = *роморити* = *ромонити* ‘шуметь, производить монотонный шум, журчать; накрапывать, моросить (о дожде)’, слн. *romineti, romōniti* ‘говорить неразборчиво’, чеш. уст. *romoniti* ‘шумно звучать (в том числе о текущей воде водоема: “potůček, který romoní”’), слц. *romonit’* ‘шуметь, дуть’; с другим суффиксом – польск. *romot, romotać* (наряду с *rumot, rumotać*) ‘шум, шуметь’; все этимологи характеризуют этот корень как ономато-поэтический.³² Мы относим сюда же русск. диал. *ромада, ромода* ‘возня,

²⁸ См. О. Н. Трубачев, Труды по этимологии: Слово. История. Культура, т. 4. Москва, Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 327.

²⁹ Там же. С. 610.

³⁰ В. П. Нерознак, Названия древнерусских городов. Москва, Наука, 1983. С. 149.

³¹ См. А. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, 2-e wyd. Warszawa, Wydawnictwo Powszechna, 1985. S. 468.

³² См. Македонско-русский словарь. Москва, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. С. 450; Български етимологичен речник, т. VI: Пускам – Словар. София, Академично издателство “Проф. Марин Дринов”, 2002. С. 319; Э. А. Григорян, Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, Айастан, 1975. С. 188; Речник српскохрватскога књижевног

суета; беспорядок, неразбериха, шум, брань³³ (СРНГ 2001: 35 171); использование суффикса *-da* для образования экспрессивных слов (обычно с пейоративной оценкой) характерно для многих славянских языков.³⁴

Шелшедам/Шелшодом

Топоним *Шелшедам* впервые упомянут в 1504 г. как село Шохонского уезда.³⁵ Позднее он приводится в форме *Шелшодом*, 1567-1569 гг., причем обозначаемый им объект в это время административно относился уже к Ярославскому уезду.³⁶ Ныне это село *Шельшедом* Большесельского района Ярославской области. Название относится к встречающемуся в ойконимии северо-восточной России типу субстратных имен с формантом *-дам*, регулярно изменяющимся в *-дом* (вероятно, под влиянием русского слова *дом*), ср. *Иледам*, 1389 г. и позднее, > *Ильдомово*, в бывшем Грязовецком уезде Вологодской губернии; *Талдом*, город в Московской области; *Ирдомьское село*, 1472 г., Белозерье; *Шушкодом*, Костромская область; *Урдом*, Тверская область; *Индом*, Костромская область; *Николо-Корчкодом*, Ярославская область). Этот формант сопоставляется А. И. Поповым с русск. диал. *эдома*, *едма*, *едома* 'лесок около селения', 'кочевье' (у ненцев), 'отдаленное место', 'отдаленный лес', также *едма* 'болото, топкая почва', частое в новгородских грамотах XIV-XV вв., *едома* 'низкая земляная или каменная гряда', происходящими, согласно объяснению А. И. Федорова, из фин. *eda maa* 'дальняя земля'.³⁷

Ареал распространения ойконимов этого типа позволяет предположить их мерянское происхождение. Это предположение подтверждается

језика, књ. 5: П-С. Нови Сад, 1973. С. 563; P. Skok, Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, t. III. Zagreb, Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1973. С. 157-158; Slovník spisovného jazyka českého, d. V. Praha, Academia, 1989. С. 73; Slovník slovenského jazyka, <http://www.juls.savba.sk/ssj-peciar.html> (30.5.2015); A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego. С. 468.

³³ Словарь русских народных говоров, вып. 35: Реветь-Рящик. Санкт-Петербург, Наука, 2001. С. 171.

³⁴ См. Słownik prasłowiański, t. I: A-B, Wrocław etc., Wydawnictwo PAN, 1974. С. 63.

³⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С. 356.

³⁶ Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в.: Вотчинные земли. Санкт-Петербург, Дмитрий Булавин, 1999. С. 25.

³⁷ См. М. А. Ююкин, Ойконимия русских летописей XIV-XVII вв. С. 265.

этимологией основы топонима *Шелшедам / Шелшодом*, которая точно соответствует мар. *шелше*, горн. *шелшѣ* 1) прич. от глагола *шелаши* ‘колоться, трескаться, расщепляться’, 2) сущ. ‘щель, трещина, ущелье, расщеп, прорезь’.³⁸ Первые части многих других ойконимов этого типа также соотносятся с марийскими лексемами: *Иледам* : *иле* ‘сырой, влажный’ (ср. *Илеза* 1) (*Илезка*) приток Старой Тотьмы, 2) правая составляющая р. Кокшеньги; *Илекса*; *Иленза*; *Илеша*, правый приток Пинеги; *Ильмеш*, село в бывшем Любимском уезде Ярославской губернии, *Ирдомское* : *ир* ‘дикий’, *Талдом* : *тале* ‘смелый, храбрый, отважный, бесстрашный; быстрый, расторопный; сильный, интенсивный, значительный по степени проявления’, *Шушкодом* : *шушко* диал. ‘сачок; сетчатый мешок с рукояткой для ловли рыб и насекомых’ (ср. *Шушково* 1) село бывшего Кинешемского уезда Костромской губернии, 2) село бывшего Рыбинского уезда Ярославской губернии), *Урдом* : *ур* ‘белка, белчий’.³⁹ Первая часть ойконима *Индом* восходит, очевидно, к фин.-угор. **enä* ‘большой, великий’, ср., в частности, эрз. *ине*, мокш. *иня*, названия (*Николо-*)*Корчкодом* – к деривату фин.-перм. **korkz* ‘высокий’ или фин.-волж. **korkz* ‘бежать’.⁴⁰

Основа *шелш-/шелаши-* встречается и в других топонимах на бывшей мерянской территории: *Шельша*, река, правый приток Согожи, левый приток Шексны, Волги; *Шелошево*, село в бывшем Любимском уезде Ярославской губернии; *Шелашиха*, село в бывшем Кинешемском уезде Костромской губернии.⁴¹ Приведенные примеры свидетельствуют, что она употреблялась в топонимии как в топографическом значении (о чем говорит гидроним *Шельша*), так и в качестве антропонимической (судя по притяжательной форме двух других названий (суффикс *-иха*, весьма частотный в топонимии некоторых северо-восточных областей,

³⁸ Словарь марийского языка: в 10 т. Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1990-2005, vol. 9. С. 76.

³⁹ Словарь марийского языка. т. 2. С. 46, 68-69; т. 7. С. 25; т. 9, С. 364; М. А. Ююкин, Ойконимия русских летописей XIV-XVII вв. С. 265; Списки населенных мест Российской империи, Л. Ярославская губерния. Санкт-Петербург, Типография Министерства внутренних дел, 1865. С. 347, 379; Списки населенных мест Российской империи, XVIII. Костромская губерния. Санкт-Петербург, Типография Министерства внутренних дел, 1877. С. 163.

⁴⁰ К. Rédei, Uralisches Etymologisches Wörterbuch. S. 74, 672.

⁴¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. IV, ч. 2: Ярославская губерния. Санкт-Петербург, В типографии Департамента Генерального Штаба, 1851. С. 7; Списки населенных мест Российской империи, Л. Ярославская губерния. С. 378; Списки населенных мест Российской империи, XVIII. Костромская губерния. С. 162.

также выполняет посессивную функцию);⁴² ср. и современные фамилии *Шелшев, Шелашев, Шелюшев*). Поэтому однозначно интерпретировать характер первой части в этом топониме не представляется возможным.

В рассмотренных названиях представлены основные типы взаимодействия между именами собственными, относящимися к различным классам: этноним-топоним (*вьяда – Bunda*), гидроним-хороним (*Исмея*), гидроним-ойконим (*Ромьнь*), антропоним (предположительно)-ойконим (*Шелшедам*), и структурного оформления онимов: производное на уровне древнерусского языка (*вьяда*), с субстантивным (*Исмея*) и адъективным (*Ромьнь*) суффиксами, сложное (*Шелшедам*).

Названия *вьяда* и *Шелшедам* отражают межэтнические контакты пришлого славянского населения Среднего и Верхнего Поволжья с исконными финно-угорскими насельниками этих мест. Оним *вьяда* показывает, каким сложным, многоступенчатым может быть это отражение в ономастике, когда имя собственное, проникшее в другой язык, само является заимствованным в языке-источнике.

Несовпадение ареалов нарицательной и гидронимической лексики с корнем **rom-* (отсутствующего в южнославянской гидронимии, несмотря на то, что на апеллятивном уровне он представлен во всех языках южных славян) хорошо иллюстрирует специфический характер функционирования лексики в ономастической подсистеме языка, наличие у последней собственных законов, не всегда тождественных общеязыковым.

⁴² См. В. А. Никонов, Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Сб. 58: Географические названия. Москва, Мысль, 1962. С. 28.